

внимание лишь тем звукам или звукосочетаниям, которые изменяются при заимствовании, в результате чего они передаются в румынском языке другими гласными, согласными или их сочетанием. Тот факт, что ударному *a*, например в укр. *бугай*, соответствует в слове *buhai* рум. *a*, т. е. гласный того же ряда и подъема, или, скажем, русскому *i* — рум. *i* в слове *chibitcă* (<кибитка), представляет собой известное соотношение тождества, необусловленное модификацией или какой-либо субституцией, и поэтому такие случаи не имеют никакого отношения к явлению адаптации.

Наконец, надо отметить, что фономорфологическая структура заимствований зависит, помимо других причин, и от того или иного пути их проникновения в новую языковую среду (заимствования устные и письменные, непосредственные и опосредствованные). Однако это несколько иной вопрос: отличительные черты слов восточнославянского происхождения, рассматриваемые в плане конкретных источников заимствования (например, отдельные особенности восточнославянского вокализма и консонантизма, нашедшие свое отражение в фонетическом облике соответствующих «орумынившихся» слов) относятся скорее к сфере общих черт, нежели к дифференциальным признакам, объясняемым адаптацией. К тому же данный аспект нами был освещен¹.

3

Среди наиболее характерных явлений, объясняемых фонетической адаптацией, следует отметить следующие:

Вокализм

a>ă. Как правило укр. и русск. безударному *a* соответствует в заимствованиях рум. *ă*: *cl[ă]păug* ‘вислоухий’ с фонетическим вариантом *cl[ă]plăug* (< укр. *клапоухий*, *каплоухий*), *liv[ă]r* ‘ливер’ (< укр. *ливар*), *m[ă]călean-dru* ‘название небольшой лесной птицы’ (< укр. *маколяндра*), *g[ă]luscă* ‘кусочек теста, сваренный в воде или молоке, клёцка, галушка’ (< русск. *галушка*, ср. и польск. *galuszka*). Тот факт, что звук *ă* близок (но далеко не идентичен!), например, к русск. *ъ* (*a*, *o* во втором предударном и заударных слогах, а также *e* в положении после *ž*, *š*, *c*), был подчеркнут уже акад. Э. Петровичем². Рассмотренное соответствие наблю-

---

на материале, ошибочно этимологизированном. Так, например, рум. *obadă*, *oplean*, *podbeal* заимствованы, как известно, из южнославянского источника (вопрос о подобных словах давно решен в румынистике), *cutcă* (в отличие от *voică* < русск. *водка*) восходит к польск. *wódka*, *balercă* пришло также из польского (причем наблюдается метатеза, ср. польск. *baretka*; украинским и русским влиянием можно объяснить только диал. *barilec* < укр. *барилка*, русск. *барилко*, ср. и польск. *baryłka*).

¹ См. В. ВАСЧЕНКО, *Восточнославянские элементы румынского языка (Пути проникновения заимствований. Отличительные черты интернационализмов, пришедших через русское посредство)*, сб. «Culegere de studii», Бухарест, 1961, стр. 24—35.

² Е. PETROVICI, указ. соч., стр. 6.